

**Президент Федеративной Республики
Германия Йоахим Гаук
ко Дню памяти жертв национал-социализма
27 января 2015 года
в Берлине**

Сегодня исполняется 70 лет со дня освобождения концентрационного лагеря Освенцим солдатами Красной Армии. Почти двадцать лет назад Германский Бундестаг собрался впервые, чтобы почтить память жертв национал-социализма, учредив соответствующий День памяти. Память не должна померкнуть, сказал тогда Федеральный президент Роман Херцог и добавил: «Без памяти не будет ни преодоления зла, ни урока на будущее».

С тех пор здесь, перед высоким собранием выступали многие известные свидетели исторических событий: люди, выжившие в концентрационных лагерях, гетто или подполье, люди, голодавшие в осажденных городах. Истории их судеб глубоко тронули наши сердца. Они говорили об отношениях между своими народами и немцами, которые стали совершенно иными после злодеяний нацистов.

Разрешите мне и сегодня дать слово одному из очевидцев тех событий, но очевидцу, которому не суждено было пережить Холокост. Его дневники, однако, сохранились и были опубликованы, пусть даже только спустя 65 лет после его смерти.

Речь идет о Вилли Коне (Willy Cohn). Он был родом из семьи состоятельных торговцев и преподавал во вроцлавской гимназии. Вилли Кон был ортодоксальным евреем, глубоко укоренившимся в немецкой культуре и истории. Во время Первой мировой войны Кон был награжден Железным Крестом. При национал-социалистском режиме он лишился работы, потерял друзей и родственников, которые либо покончили жизнь самоубийством, либо покинули страну. Он почувствовал, что это конец, когда узнал о создании гетто в оккупированной Польше и о массовых расстрелах во

Львова. Несмотря на то, что всё это было ему известно, Кон непоколебимо продолжал хранить верность стране, которая казалась ему родной. «Я так люблю Германию, – писал он, – что эту любовь не поколебать никакими неприятностями. [...] Нужно быть достаточно лояльным, чтобы покориться даже правительству, которое принадлежит к совершенно иному лагерю».

Лояльность Кона, чья безоговорочность кажется нам сегодня почти непостижимой, потому что мы знакомы с дальнейшим развитием истории, эта лояльность была самым горьким образом разочарована. 25 ноября 1941 года послушные приспешники погрузили его семью в один из первых поездов, увозивших евреев из Вроцлава в лагеря смерти. Тамаре – младшей дочери Вилли Кона – было всего три года. Четыре дня спустя штандартенфюрер СС Карл Йегер зафиксировал, что в литовском Каунасе были расстреляны из пулеметов две тысячи евреев.

Немецкий писатель еврейского происхождения Якоб Вассерман, в 20-ые годы считавшийся одним из самых читаемых авторов Германии, лишившись иллюзий, уже к концу Первой мировой войны писал, что идти в народ поэтов и мыслителей и подавать им руку бессмысленно. Он писал: «Они говорят: <Что он себе позволяет со своей еврейской назойливостью?> Бессмысленно жить для них и умирать для них. Они говорят: <Он – еврей!>».

В представлении антисемитов еврей не был живым существом. Он считался воплощением зла и служил объектом для проекции любых страхов, стереотипов и образов врага, порой даже взаимоисключающих. И всё же, никто в своей ненависти к евреям не заходил так далеко, как национал-социалисты. Одержимые идеей расизма, они провозгласили себя властителями жизни и смерти.

Эти так называемые «люди господствующей расы» не останавливались даже перед истреблением так называемых «недостойных жизни», перед стерилизацией людей и ликвидацией политических противников. Все они стали жертвами национал-социалистской чистки: синти и рома, славянские народы, люди, угнанные на принудительные работы, гомосексуалисты, инвалиды, коммунисты, социал-демократы, профсоюзные деятели, непокорные христиане, среди них Свидетели Иеговы, и все, кто противостоял государственному террору.

Но больше всего нас ужасает та небывалая доселе систематичность, с которой национал-социалисты клеймили, изолировали и ликвидировали целые группы людей: в таком количестве, в специально созданных лагерях смерти и с продуманным до мельчайших подробностей, безжалостным и высокоэффективным механизмом уничтожения. Так это было в Освенциме, ставшем символом Холокоста. Так это было и в

остальных лагерях смерти в оккупированной Польше: Треблинка, Майданек, Белжец, Собибур и Хелмно. В других лагерях люди умирали от голода, принудительного труда и варварской жестокости. Десятки тысяч были расстреляны в ходе массовых казней на завоеванных восточных территориях, а их тела сбрасывались в общие могилы, как в Каменце-Подольском и в Бабьем Яру.

Конец этим убийствам положило наступление союзных войск. Лагерь уничтожения на востоке были освобождены советскими солдатами. Перед ними – потерявшими только при освобождении Освенцима 231 боевого товарища – мы и сегодня склоняем наши головы в знак уважения и благодарности.

Дни памяти объединяют общество, заставляя заново осмыслить коллективную историю. Хотим мы того или нет, переломные события не проходят бесследно – как для активных участников и очевидцев, так и для последующих поколений.

Один из самых главных уроков, извлеченных из обращения с национал-социалистским прошлым, несомненно, состоит в том, что молчание не искупает ни очевидного преступления, ни очевидной вины. Западные и восточные немцы пережили это при совершенно разных обстоятельствах, но по сути, аналогичным образом.

Сразу после войны на первый план выходит восстановление страны. В годы экономического чуда слишком многие люди на Западе устремляли свой взгляд исключительно вперед и мало кто из них оглядывался назад. Преследование преступлений национал-социалистского режима правосудием продвигалось крайне медленно и лишь в отдельных случаях. Несмотря на то, что некоторые интеллектуалы и писатели, сопротивленцы и жертвы национал-социалистского режима поднимали тему национал-социалистского прошлого, а отдельные фильмы, романы и дневники затрагивали судьбы евреев – как, например, дневник Анны Франк – всё же, большинства это не касалось. Большинство отгораживалось и защищало себя от чувства вины и стыда, отказываясь от воспоминаний. Всё это сегодня очень тяжело понять. Особенно то, что зачастую жалость к самому себе оказывалась там, где должна быть эмпатия и симпатия к жертвам.

С позиции сегодняшнего дня становится стыдно, что жертвы национал-социалистского режима позже вынуждены были выступать в роли просителей. Стыдно, что при выплатах компенсаций боль и мучения пострадавших от немцев были оценены ниже, чем страдания, причиненные самим немцам. Граждане молодой Федеративной Республики Германия практически не испытывали сострадания по отношению к жертвам национал-социалистского насилия. А соглашение с Израилем о

возмещении ущерба отнюдь не пользовалось популярностью среди общественности.

Стена молчания начала постепенно рушиться только в конце 1950-ых годов вместе с началом крупных судебных процессов над национал-социалистскими преступниками: Ульмский процесс над оперативными группами, процесс над Адольфом Эйхманом, Освенцимские процессы. Они раскрыли истинный масштаб совершенных преступлений. По настоянию бесстрашного генерального прокурора земли Гессен показания дали сотни свидетелей злодеяний, подтвердив, таким образом, что существовала целая система уничтожения людей, система, какой многие даже не могли себе представить. Общественность пришла в ужас, но нельзя было сказать, что это действительно потрясло всех без исключения. Большинство немцев оправдывали себя, возлагая всю вину и ответственность на небольшую группу фанатиков и садистов – на Гитлера и его непосредственное окружение. Остальные считались якобы беспомощными винтиками в огромном механизме, получавшими приказы и вынужденными выполнять то, что по сути было им чуждо.

В конечном итоге, отправление правосудия оставляло желать лучшего. Очень многие судьи и прокуроры занимали ответственные посты при национал-социалистском режиме. Они либо не видели надобности в уголовном преследовании, либо настаивали на относительном характере уголовной ответственности.

А вот с самокритичной рефлексией дело обстояло уже иначе. В 60-ые годы такие представители интеллигенции, как Александр и Маргарете Мичерлих, продолжили начатое ранее дело Ханны Арентс. Они задавались, кроме прочего, вопросом вины «маленького человека», продавшего душу преступному фюреру, а позже не желающего нести ответственность за последствия. Только тогда критическое рассмотрение национал-социалистских преступлений приобрело более широкое значение в обществе. Подхлестываемые и поддерживаемые все возрастающим числом критично настроенных интеллектуалов, художников западные немцы постепенно пришли к осознанию того, что и совершенно «обычные» мужчины и женщины тоже теряли свою человечность, свою совесть и свою нравственность. Часто среди них были близкие соседи, даже друзья и родные.

Благодаря сериалу «Холокост» в конце 70-ых годов точка зрения жертв наконец открылась действительно широкой общественности. Еще никогда – как на Западе, так и на Востоке, несмотря на то, что до этого уже вышли в свет многочисленные научные публикации – еще никогда так много немцев не задумывалось над судьбой еврейской семьи. Еще никогда этой темой не было так глубоко тронуты такое большое количество

людей. Я сам наблюдал это в моем окружении, на Востоке, где я жил.

С тех пор память о жертвах национал-социализма стала неотъемлемой частью нашего самосознания. Каждое поколение, даже каждое новое десятилетие по-своему поднимает эту тему – зачастую не без бурных дискуссий. Хотелось бы напомнить о «споре историков» или о разногласиях по поводу мемориала жертвам Холокоста. Поскольку и грядущие поколения будут искать и найдут свой собственный путь к данной теме, я убежден, что нам удастся сохранить живую память о преступлениях национал-социалистского режима.

А теперь взглянем на другую часть Германии. Мне известно, что юной ГДР удалось привлечь к себе многих молодых людей, потому что она считалась антифашистской, то есть лучшей Германией. Многих, чье прошлое было запятнано, действительно заменили коммунистами и антифашистами. Антифашистские книги и антифашистские фильмы прививали сострадание к погибшим участникам движения сопротивления. Лояльность по отношению к ГДР представлялась нравственным законом.

«ГДР – отечество мое, / хоть чистотой блесит.

Возврат к нацистским временам / нам вовсе не грозит»,

писал Вольф Бирманн еще в 60-ые годы.

Однако, государственный антифашизм ГДР служил также заменой отсутствующей демократической легитимности. Освобождая общество в целом от правовой и моральной ответственности за национал-социализм, он тем самым содействовал вытеснению из памяти собственной несостоятельности и вины, в том числе и так называемого «маленького человека».

Он избавлял от критического самоанализа, позволяя тому, чье прошлое было обременено, а порой даже и тому, кто был виновен, перейти на сторону добра, к антифашистским победителям. К тому же, чтилась память почти исключительно бойцов движения сопротивления. Память о еврейских жертвах, истребленных по расовым мотивам, читается в мемориалах Восточной Германии подобающим образом только с тех пор, как ГДР перестала существовать.

«Вторая вина», о которой говорил Ральф Джордано, то есть нежелание взяться за критический анализ преступлений и выплатить компенсацию жертвам, эта вторая вина существовала в Германии вдвойне: в ранней Федеративной Республике Германия и в ГДР.

Со временем Федеративная Республика Германия, а затем и воссоединенная Германия, сделала осмысление преступлений прошлого концептуальным ядром исторического нарратива. Не в последнюю очередь и благодаря этому Германия добилась доверия своих партнеров в деле за мирное и равноправное сосуществование граждан и наций, и даже была признана многими жертвами национал-социалистского режима и их потомками. Так в 90-ые годы многие тысячи евреев из бывшего Советского Союза наполнили жизнью существующие еврейские общины в Германии и основали новые, потому что они верят в эту Германию. А бывший президент Израиля Шимон Перес, выступая с этой трибуны, говорил о единственной в своем роде дружбе между Германией и Израилем. Без взгляда в прошлое, без готовности к истинной, серьезной проработке своего преступного прошлого, мы бы не удостоились такого дара.

В то же время, мы знаем, что дни памяти могут превратиться в пустой ритуал, даже в оболочку, снова и снова наполняемую одними и теми же заклинаниями. Нам также известно, что сами дни памяти не спасут нас от безразличия в настоящем.

Я помню торжественное мероприятие по случаю 60-летия со дня освобождения концентрационного лагеря Заксенхаузен, на котором выступал, кроме прочих, Томас Бюргенталь. Он в десятилетнем возрасте пережил марш смерти из Освенцима в Заксенхаузен, после войны эмигрировал в США, специализировался на международном праве и правах человека и участвовал в качестве судьи Международного Суда в преследовании за геноцид.

Его слова врезались мне в память. Ведь он открыл аудитории глаза на неуютную правду. Тогда Бюргенталь спросил, чего стоит это «Никогда больше!» - это главное обещание после Освенцима? Разве не было жертв в Камбодже, Руанде, Дарфуре? - спрашивал он. Разве не было жертв в Сребренице? - можем добавить мы сегодня. А что сейчас происходит в Сирии и Ираке, а также в других горячих точках? Даже если эти преступления не достигали и не достигают масштабов убийств, совершенных национал социалистами, говорил Томас Бюргенталь, всё же это ужасно удручает, - я цитирую: «когда геноцид и массовые убийства становятся почти привычными». Когда мир заявляет: «Больше никогда!», но «закрывает глаза на следующий геноцид».

Позвольте мне не останавливаться на констатации этого факта, внушающего беспокойство и удрученность, а пойти дальше и спросить: готовы ли мы и способны ли к предотвращению массовых убийств. Способны ли мы вообще, положить конец подобным преступлениям и привлекать к ответственности совершивших их лиц? Может быть, порой нет в том числе и

желания бороться с преступлениями, направленными против человечности?

Большим достижением является то, что с 1948 года существует возможность преследования за геноцид, а именно, с момента принятия Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Международные уголовные суды не раз принимали меры в данном направлении. Они могут преследовать тех, кто действует – я цитирую: «с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую».

В то же время, развитие событий приводит нас к горькому выводу, что наказание лишь изредка оказывает устрашающее воздействие, а меры предупреждения до сих пор редко принимались вовремя. Если механизм кровопролития уже пущен в ход, его очень сложно остановить. Зачастую оказание помощи просто невозможно. Так как мы не всемогущи, нам приходится жить с моральным бременем сознания того, что не всегда и не везде удается спасти человеческие жизни. Как нереально когда-либо достичь на земле «шаломы» – состояния вечного и всеобъемлющего счастья – так же нереально достичь полной реализации лозунга «Никогда больше!». Но в качестве нравственной заповеди, внутреннего компаса – этот лозунг просто необходим нам. Ведь стремление к мирному и справедливому сосуществованию людей и народов является важным, возможно даже ключевым принципом в сосуществовании народов. Оно служит важным ориентиром наших действий. И если нам не под силу искоренить зло, то мы призваны осуждать его и стараться не допустить беды.

Грядущие поколения, несомненно, будут по-своему чтить память жертв. И даже если Холокост уже не для всех граждан является ядром немецкого самосознания, то всё еще остается в силе высказывание: без Освенцима нет немецкой идентичности. Хранить память о Холокосте – по-прежнему, задача всех граждан, живущих в Германии. Он являет собой часть истории этой страны. И в этом заключается некая особенность: здесь, в Германии, где мы ежедневно проходим мимо домов, из которых депортировали евреев; здесь, в Германии, где было запланировано и организовано уничтожение; здесь ужас прошлого – ближе, а ответственность за настоящее и будущее – больше и обязывает она сильнее, чем где бы то ни было.

В ряде бесед и в некоторых исследованиях я сталкиваюсь с опасением, что интерес молодого поколения к преступлениям национал-социализма начнет исчезать. Я не разделяю этой тревоги, хотя отдаю себе отчет в том, что критическое рассмотрение прошлого будет меняться и даже должно меняться. Многие очевидцы вытеснили из памяти прошлое, а их дети

сожалели об этом. Теперь пришло поколение внуков. И тут оказывается, что такой фактор, как давность событий вполне может оказаться преимуществом. У молодежи зачастую более открытый и менее ограниченный подход к постыдному прошлому. Снова и снова вызывает удивление, в какой степени именно внуки и правнуки исследуют скрытую, табуированную семейную историю, изучают еврейское прошлое своих домов и кварталов и углубляются в биографии гонимых и гонителей. Удивляет, как они видят в людях, спасавших евреев, не только пример, достойный подражания, но и опровержение старой теории, что ничего нельзя было изменить.

И даже если в будущем у нас уже не будет возможности встречаться с очевидцами, это не означает, что эмоциональное соучастие утратится. Как на представителей третьего и четвертого поколения, так и на людей без немецких корней производит сильное впечатление, когда они к примеру, находясь в Освенциме, видят на чемоданах убитых фамилии их бывших владельцев, когда они на огромной территории Биркенау наталкиваются на руины взорванных крематориев, когда они читают «Дневник Анны Франк» или смотрят фильм «Пианист». Мы снова и снова убеждаемся, что автобиографии, документальные и художественные фильмы, интервью с очевидцами или посещения бывших мест ужаса доносят прошлые страдания и до молодых людей, раскрывая их души.

Сочувствие появляется не только у молодых людей, чьи семьи каким-то образом связаны с национал-социалистским прошлым. Эмоционально реагируют также люди, которые на примере истории Германии узнают, на что способен человек, осознают, что мизантропия, фанатизм и готовность убивать могут вновь появиться в другом месте и в другом обличье.

«Люди людям уготовили эту судьбу», - к такому простому и ужасающему общему знаменателю подвела польская писательница Зофья Налковская то, что она увидела, будучи членом международной следственной комиссии, в концентрационных лагерях непосредственно после их освобождения. Беспрецедентный масштаб Холокоста побудил ООН в 2005 году установить Международный день памяти жертв Холокоста – как обязательство человека перед человеком.

Рассмотрение Холокоста как преступления против человечества – это путь к сближению, открытый также для иммигрантов, даже если они не считают или пока еще не считают себя немцами. Этот путь не всегда легок. Некоторые иммигранты сами подвергались преследованиям на родине. Некоторые приехали из стран, в которых распространены антисемитизм и ненависть к Израилю. В случаях, когда подобные взгляды продолжают бытовать среди иммигрантов и влияют на восприятие

актуальных событий, нам необходимо настойчиво знакомить их с исторической правдой и добиваться уважения к ценностям этого общества.

Все мы, называющие Германию своим домом, все мы несем ответственность за то, по какому пути пойдет наша страна. Молодая женщина из семьи иммигрантов замечательно сформулировала это в частном письме: «У меня нет немецких предков, но у меня будут немецкие потомки. И они спросят с меня, если сегодня на нашей земле будут иметь место несправедливость и бесчеловечность».

Это – человек, вступивший в сообщество коллективной ответственности, не основанное на совместном опыте. Общая воля – вот то, что объединяет нас.

Пока я жив, я буду страдать от мысли, что немецкий народ, несмотря на свою заслуживающую уважения культуру, был способен на такие чудовищные преступления против человечества. Даже самое убедительное объяснение такому страшному культурному разлому не в состоянии успокоить мое сердце и мой разум. Ведь теперь в ткань нашей национальной идентичности вплетен излом, который неизменно терзает наше сознание. Тот, кто хочет жить «в правде», никогда не станет отрицать этого.

И всё же, после темных ночей диктатуры, после вины, стыда и раскаянья мы смогли сформулировать светлое как день кредо.

Мы сделали это, вернув праву его силу и его достоинство, развив в себе эмпатию к жертвам национал-социалистского режима. И мы продолжаем делать это сегодня, борясь с любого рода изоляцией и насилием, а также предоставляя безопасное пристанище тем, кто обращается к нам, пытаясь уйти от преследования, войны и террора.

Возложенный на нас моральный долг заключается не только в сохранении памяти. Мы, к тому же, глубоко и бесповоротно убеждены в том, что память налагает на нас новое обязательство.

Оно гласит: охраняйте и берегите гуманность! Охраняйте и уважайте права каждого человека!

Мы говорим это именно сейчас, когда нам в Германии необходимо вновь найти общий язык во имя сосуществования разных культур и религий. Сообщество, в котором все мы хотим жить, будет процветать лишь там, где уважают права каждого человека и где живет солидарность.